

Парочка, взявшись за руки, идет по глинистой тропинке. Тропинка была очень широкой и покрыта желтой глиной. Там было много ила и виднелись следы шин, которые, должно быть, остались от большого транспортного средства.

На самом деле, по обе стороны тропинки пейзаж был очень красивым. Насколько хватало глаз, простирались зеленые рисовые поля, а когда поднимаешь голову, то видишь темно-синее небо, что было редким зрелищем в городе. Окружающая среда здесь была очень хорошей. Сделав вдох, можно сказать, что воздух был чистым.

На самом деле то, что Су И Чэн назвал задней горой, было не очень высоким холмом. Он не доходил и до 200 м, и вокруг была проложена дорога. Между холмами фермеры обрабатывали землю, и как только вы подниметесь наверх и осмотритесь, то сможете увидеть, что не слишком далеко тренируются войска. Вы едва слышите громкое выкрикивание команд, очень внушительное; любой бы содрогнулся, если бы услышал их.

“Почему ты не в армии?” – Ань Жань оборачивается, чтобы спросить Су И Чэна, стоящего рядом с ней. Мужчины двух поколений семьи Су служили в армии. Они считались типичной семьей военных, и согласно семейной традиции считалось нормальным, чтобы ребенок тоже служил в армии, но тем не менее Су И Чэн отказался от военной политики, отказался от военной культуры.

Су И Чэн был застигнут врасплох, его брови нахмурились из-за этого вопроса. Через некоторое время он поворачивает голову, чтобы посмотреть на Ань Жань, и говорит: “Мне нужна была свобода. Нахождение в одной и той же окружающей среде в течение длительного времени всегда приводит к конфликту. С детства я чувствовал, что армия и мой повседневный образ жизни не слишком отличаются друг от друга. Проработав в полиции 10 лет, я решил перейти в новую среду, которая была совершенно другой”.

“И ты очень успешен, ха, теперь ты лидер, сколько людей тебе льстят”, - поддразнивает Ань Жань.

Су И Чэн поворачивается к ней лицом и лукаво смотрит на нее: “Значит, ты тоже хочешь мне польстить?”

“А тебе нужно, чтобы я тебе льстила?” - отвечает Ань Жань, улыбаясь.

Су И Чэн уклончиво кивает головой: “Конечно”.

Ань Жань тоже понимающе кивает, затем наклоняет голову набок и некоторое время думает. Она притворяется расстроенной и говорит: “Кажется, я не могу найти ничего, что могло бы тебе польстить, что же делать?”

Услышав это, Су И Чэн хмурится: “Айя, это действительно нехорошо”.

Ань Жань была удивлена его внешним видом, а затем с праведным выражением лица она говорит: “Ты - государственный служащий, какие большие у тебя амбиции, если ты хочешь, чтобы простые люди постоянно льстили тебе! Мистер Су, служение народу - твой долг!” Она надувает губы, выражение ее лица серьезное.

Су И Чэн кивает и говорит: “В этом есть смысл”. Затем он некоторое время смотрит на жену, а затем восклицает: “Думаю, я знаю, что делать!”

Ань Жань было любопытно, и она осторожно спросила: "Чтоооо..." Ее "что" было прервано, потому что кто-то закрыл ей рот. Таким образом, ни одно слово не могло вырваться наружу. Точно так же, как во время жаркого поцелуя днем, Су И Чэн закрывает глаза и посасывает ее губы, а его руки медленно поглаживают ее тонкую талию.

Ань Жань была немного раздражена, но не смогла спрятаться от его горячего поцелуя. Поддавшись этому соблазну, ее розовый язычок затанцевал с его языком.

Не зная, сколько прошло времени, Су И Чэн наконец насытился и отпустил ее. Его живот вздымается и опускается, дыхание Ань Жань также было торопливым и беспорядочным. Держась за руки, они оба глупо стояли, не двигаясь.

Через некоторое время Ань Жань, наконец, выровняла дыхание, а затем заворчала и шлепнула Су И Чэна, говоря: "Почему ты всегда так неожиданно нападаешь?!" К счастью, рядом никого не было, но если бы кто-то прошел мимо, она действительно опозорилась бы.

Су И Чэн хихикает и позволяет ей шлепнуть себя. Это было не больно и не обидно. Затем, улыбаясь, он тихо говорит жене на ушко: "Твой надутый вид был для меня как приглашение, поэтому я выполнил твою естественную просьбу. Я - народный государственный служащий, конечно, это мой долг".

"Когда это я успела надуть губы?!" - запротестовала Ань Жань. Она свирепо смотрит на мужа. Она и сама не сознавала, что ее маленький ротик и сейчас был надут.

Су И Чэн раздражается смехом, серьезно смотрит на нее и спрашивает: "Ты снова приглашаешь меня?"

Ань Жань поспешно прикрывает рот, кокетливо глядя на мужа широко раскрытыми глазами, румянец с ее лица распространился на все тело.

К тому времени, когда они вернулись во двор, уже наступила ночь. Солнце садилось за гору, закатное зарево отбрасывало красный свет на весь горизонт. Откуда-то издалека донесся слабый звук сигнального рожка, и солдатское пение стало особенно громким.

Сяо Чжан видит их и, как всегда, приветствует невестку громким голосом. Его искренняя улыбка была заразной.

Но машина, припаркованная перед воротами, удивила Су И Чэна. Он хмурится и морщит брови.

Ань Жань заметила перемену в его поведении и повернулась, чтобы посмотреть на машину. Это была "Ауди". Она не очень разбирается в автомобилях, поэтому не знает, что это за модель и что с ней было не так. Она спрашивает: "Что случилось? Что-то не так с машиной?"

Су И Чэн качает головой. Он поворачивается, чтобы спросить Сяо Чжана: "Мэр Линг здесь?" С машиной все было в порядке, однако номерной знак принадлежал муниципальному комитету, и это именно мэр Линг водит эту машину.

"Да. Он в доме, разговаривает с мадам", - отвечает Сяо Чжан.

Су И Чэн кивает, поворачивает голову к Ань Жань и говорит: "Давай войдем".

Ань Жань кивает и следует за ним во двор.

Мэр Линг и Цинь Юнь разговаривали в гостиной. На маленьком столике стояли чашки с еще дымящимся чаем. Двое в гостиной видят, что супруги вернулись, и на их лицах появляются улыбки.

Су И Чэн слабо улыбается в ответ, просто проходит в гостиную и говорит: “Дядя Линг, должно быть, пришел сюда в поисках папы, чтобы поиграть с ним в шахматы”.

Линг Чуань смеется и кивает: “Да. Изначально я хотел провести с ним несколько раундов. Я не ожидал, что в последнее время он так занят тренировками”. Он видит, что рядом с Су И Чэном стоит Ань Жань. В его глазах появилась невыразимая меланхолия и сожаление.

Ань Жань улыбается, кивает ему и вежливо окликает: “Дядя Линг”.

Линг Чуань кивает, затем, казалось, он что-то вспомнил: “Ах да, твое здоровье восстановилось? Я надеюсь, ничего страшного?”

Су И Чэн сидит напротив, улыбается и кивает: “Ничего страшного. Просто старая болезнь, несерьезная”.

“Тебе, молодой человек, нужно заботиться о своем теле. Ты моя правая рука, без тебя последние два дня мне пришлось туго. Похоже, я действительно постарел, совсем состарился”, - Линг Чуань вздыхает.

“Наше поколение и должно быть старым, ведь наши дети уже выросли. Возможно ли нам не быть старыми?” - говорит Цинь Юнь. Затем она встает и улыбается Ань Жань: “Пойдем, Ань Жань, помоги маме приготовить ужин. Тогда мы, дамы, сможем бесцеремонно болтать, не позволяя этим мужчинам слушать”.

Ань Жань кивает и соглашается: “Хорошо”.

<http://tl.rulate.ru/book/9018/3079242>